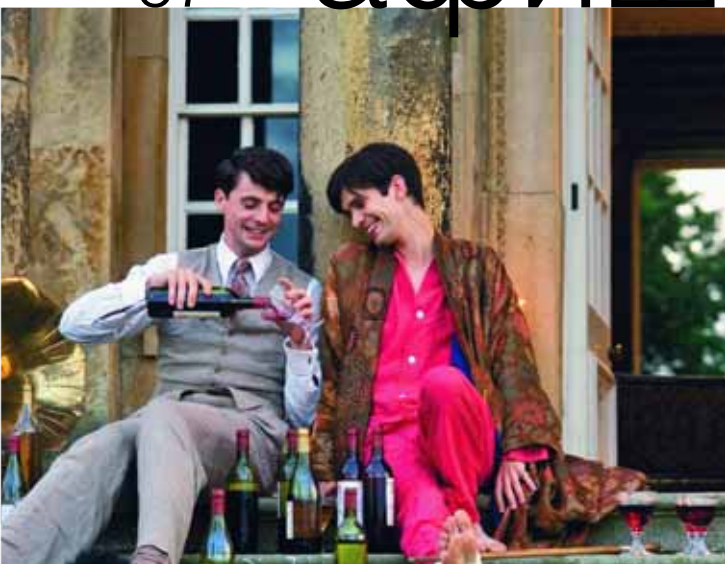




Незакрытый счет НОВАЯ ЭКРАНИЗАЦИЯ «ВОЗВРАЩЕНИЯ В БРАЙДСХЕД»

Михаил Трофименков



НА ПЕРВЫЙ взгляд прозу Ивлиана Во (1903—1966) некиногеничной не назовешь. Чтобы экранизировать «Процесс» Франца Кафки, надо было быть конгениальным ему Орсоном Уэллсом, а «Дублинцев» Джеймса Джойса — Джоном Хьюстоном. А с одним из лучших английских романов — «Возвращением в Брайдсхед» (1945) вполне справится набивший руку на телевидении Джулиан Джарролд. Герои совершают простые и яркие поступки. Да еще и обстоятельно комментируют все, что делают. Да еще и эксцентричны, а то и безумны. Да еще все это происходит в джазовые 1920-е, на аристократическом пиру во время чумы, когда «богатство лишилось великолепия, и сила — достоинства». Декор-то и стал первой западней, в которую блистательно угодил режиссер. Все его силы ушли на реконструкцию эпохи: прически и патефоны, паровозы и автомобили, в зеркальце заднего вида которых так эффектно вписывается девичье лицо. Короче говоря, на экране — ретро, а проза Во — все что угодно, только не ретро. Ретро максимально, несходительно отстранено от времени действия. Во никогда не отстранялся от своей юности, его устами время, пусть и повзрослевшее, говорило о самом себе. Да, герои — мальчишки, но Во видит их издали, и потому они значительны во всех своих глупостях. А на экране — мальчишки, чьи глупости вызывают лишь неловкость. Песнь о бессмысленной и светоносной жизни Себастьяна Флайта (Бен Уишоу) превратилась в агитку о том, как от безделья спился мальчик из хорошей семьи. «Возвращение» — сумма, итог страстей и разочарований Во. Он сводит счеты с юностью, обернувшейся пригоршней праха, и безумно жалеет и ее, и себя, и светских мотыльков, и выживших из ума, портивших им кровь стариков-родителей. Но в фильме чувства

Чарльза Райдера (Мэтью Гуд), двойника Во, тоже лишь элементы декора. Райдера влечет к Себастьяну, в юности самого Во были гомоэротические эпизоды: из школы его выгнали в 1917 году как раз за публикацию новеллы на тему. В фильме влечение материализуется в отроческие поцелуйчики и купания нагишом. Конечно, снято это страсть как красиво, но, честно говоря, лучше бы было грубо, уродливо, взаправду. Католицизм, как диссидентство, вызов, мода, поиск красоты и искупления, прельстил Во: конфликт конфессий — одна из пружин романа. Но и поиски неуловимого режиссер трактует буквально: камера чуть ли не вылизывает все росписи брайдсхедской часовни. Ну а с политикой, тень которой лежит в романе на самой беззаботной болтовне, Джарролд предпочел вообще не связываться: себе дороже, скользкая материя. Хотя со своими, в 1930-х годах крайне правыми, почти фашистскими убеждениями Во, к моменту написания романа уже офицер-парашютист, успевший повоевать с фашистами на Крите и в Ливии, тоже свел счеты. В отменных сценах всеобщей забастовки, на борьбу с которой организуются штурмовые отряды золотой молодежи, на страницах, заполненных зловеще нарастающим гулом светского хора, поющего теперь уже не об адюльтерах и о попойках, а о грядущей войне. Свел счеты, но не отрекся, потому что и это тоже было частью его юности. Вообще-то говоря, диагноз фильму можно поставить, проанализировав всего один эпизод. Чарльз находит в марокканской больнице опустившегося Себастьяна. Врач сообщает, что да, организм измучен алкоголем, иммунитет ни к черту, но у Себастьяна просто простуда. Гораздо больше места Во отводит арабумедбрату, умиляющемуся, что пациент, наводившись добывать коньяк, преобразился:

«сердце радуется видеть его таким веселым, он столько дней лежал в печали». В фильме осталась гневная проповедь врача и исчез наивный и гораздо больше, чем доктор, понимающий в жизни «бедный олух царя небесного». Проза Во немисливо печальна именно потому, что немисливо остроумна. Страшна, поскольку легкомысленна. Именно в его книгах британский юмор высшей пробы обнажил страх смерти, скрывающийся за парадоксами, острым чувством абсурда, экстравагантностью поведения и презрением к здравому смыслу. Джарролд совершил невозможное: на чисто лишил «Возвращение» любого намека на юмор, экранизировал его со звериной серьезностью. То, что из экранизации исчезла клоунская свита, сопровождающая Чарльза и Себастьяна, как шуты — героев Шекспира, еще можно простить. Но никак не простить, что с авансены фильма он прогнал незабвенного Алоизиуса, плюшевого медвежонка, для которого большой, несчастный мальчик Себастьян покупал дорогие щетки (не чтобы причесывать, а чтобы грозить ему, когда медведь плохо себя ведет) и которого берег от сквозняков так заботливо, как не смог сбегать самого себя.

